

Примечания

1. О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 дек. 1978 г. // ГАНИИО. Ф. 127. оп. 109. д. 44. л. 141.
2. Монахов В. Экологическое напряжение растет // Вост.-Сиб. правда. 1990. 4 янв.
3. Савчук Н. В. Практика проектирования и строительства городов Иркутской области: историко-экологический аспект // Проблемы земной цивилизации : сб. ст. Вып. 9, ч. 1. Иркутск, 2004. С. 277-278.
4. Справки и информации отдела химической промышленности по выполнению постановления бюро и секретариата обкома КПСС об охране природы // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 119. Д. 71. Л. 148.
5. Рихванов Е. Живое серебро и мертвое // Волна : экол. журн. 2000. № 22 (1).
6. Областной комитет по охране природы информирует об экологической обстановке и деятельности облкомприроды // Вост.-Сиб. правда. 1990. 11 мая.
7. Фонд Иркутского областного комитета КПСС документы и материалы Постоянной и Плановой комиссии по охране природы Иркутского облисполкома // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 19. Д. 13. Л. 113.
8. Подшивалов И. Есть ли жизнь в Братске? // Сов. молодежь. 1993. 13 мая.
9. Фонд исполнительного комитета Иркутского областного совета народных депутатов трудящихся (1970-1990-е гг.) // ГАИО. Ф. 1933. Оп. 6. Д. 50. Л. 41.
10. Прусаков В. Шелеховцы ломают ноги чаще, чем другие жители области // Вост.-Сиб. правда. 1996. 20 июля.
11. Еремин И. Озеро Байкал и БЦБК в 1989 г. // Вост.-Сиб. правда. 1990. 16 мая.
12. ГАИО. Ф.-р.-1933. Оп. 6. Д. 95. Л. 61.
13. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 106. Д. 52. Л. 33-34.
14. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 72. Д. 10. Л. 103-108.
15. Мирошников П. Об экологической обстановке и деятельности природоохранных органов Иркутской области в 1989 г. (Сообщение областного комитета по охране природы) // Вост.-Сиб. правда. 1990. 27 марта.

ФАРТЫШЕВ А. Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Влияние географического фактора на общество и на его развитие бесспорно. Само по себе признание этого факта никак не может быть названо географическим детерминизмом. О нем речь может идти только тогда, когда природная среда принимается за главный, основной фактор, определяющий характер социальной жизни. В ранних концепциях географического детерминизма природная среда выступала отнюдь не в качестве движущей силы исторического процесса. Она рассматривалась главным образом в качестве фактора, определяющего характер социальных порядков в том или ином конкретном обществе, а также фактора, влиявшего на его развитие.

Географический детерминизм был положен в основу геополитического учения Фридриха Ратцеля, где ему придавалось особое и исключительное значение в формировании и развитии экономической системы в каком бы то ни было государстве. В нашем случае следует говорить не о влиянии на государство, а на каждую определенную территорию, так как Россия неоднородна не только экономически или этнически, но в первую очередь географически, что нас интересует более всего, так как Сибирь и Дальний Восток – территории, географически особо выделяемые.

На советском этапе планирования уделялось внимание именно планированию размещения экономики (прежде всего ТПК). Целью экономической географии являлось выявление благоприятных географических факторов размещения предприятий. Именно благодаря структурированному и планомерному использованию благоприятных факторов удалось сделать из Сибири полноценную территорию СССР, а не колонию, хотя взгляды на это у исследователей разнятся.

Сейчас же ситуация поменялась – Сибирь и Дальний Восток используют свою географическую предопределенность, но слишком много факторов влияют на экономику отрицательно – это и большие расстояния, и резкоконтинентальный климат, и слабая освоенность, и неравномерность освоения территории. В современной ситуации, когда географическое планирование территории, казалось бы, дискредитировало себя в годы экономических реформ 1990-х г., раз за разом снова актуализируется необходимость именно пространственно-ориентированного развития экономики. Представляется возможным не останавливаться и акцентировать внимание на использовании благоприятных факторов географического положения, а стремиться перейти к нивелированию отрицательных факторов, чему уделяется незаслуженно мало внимания, причем именно в отечественной науке.

В связи с новым кризисом перепроизводства сегодня все чаще говорят о том, что мир вступил в переходный период смены экономических формаций. Кроме того, именно на наступающее десятилетие приходится нисходящая фаза цикла «кондратьевских волн», и выход из сложившейся ситуации возможен только на основе нового принципа взаимодействия экономической системы. Как правило, этот новый принцип возникает на периферии мировой цивилизации (теория периферийных цивилизаций), которая может выгодно им воспользоваться. Сибирь, очевидно, и является периферией мировой экономики, но надо учитывать,

что не она одна таковая. Однако Сибирь в связи со своим экономико-географическим положением имеет ряд особенностей, причем это касается не только ресурсов, на что обращается наибольшее внимание со стороны экономогеографов.

Зарубежные концепции развития Сибири видят в ней в большинстве своем территорию природных ресурсов (что, собственно, не является открытием). Особенно на это обращает внимание современная англо-саксонская школа геополитики, причем упор делается именно на энергетические ресурсы¹¹[2]. Для европейских геополитиков, кроме того, свойственно представлять Сибирь как трансевразийский транспортный коридор, о чем свидетельствуют концепции «большого геополитического пространства» от Парижа до Владивостока. Однако уже известна непригодность использования Сибири в соединительной роли между сверхпродуктивной Азией и сверхпотребляющей Европой. Это ясно доказывает концепция континентально-океанической дихотомии Л. А. Безрукова, где говорится о том, что пространство Сибири не соединяет, а разделяет, причем в первую очередь экономически, а, следовательно, и политически [1].

Обращаясь к концепциям развития Сибири, предлагаемыми российскими авторами, можно отметить два основания, на которые опираются отечественные теории: это возобновление промышленного развития (которое, как уже упоминалось, продвигалось в советские годы), и второе – экологическое развитие, т. е. сохранение природной самобытности и развитие рекреационных систем. Причем абсолютно очевидным представляется, что это два противоположных по сути друг другу вектора. Промышленное освоение методами планирования и возобновления практики ТПК упирается опять в ту же самую континентально-океаническую дихотомию, что производство готового продукта внутриконтинентальной территории окажется дороже, чем производство ее в прибрежных странах. А экологическое развитие неизбежно наткнется на то, что и без того чрезмерно зависимая от экспорта Россия вынуждена будет производить продукты как

---

¹¹ Появилось такое выражение, как геополитика энергоресурсов, или энергетическая геополитика, где главным инструментом достижения господства и экономического преуспевания является контроль над как можно большим процентов нефти и газа в мире. Эта возможность была выявлена еще Хальфордом Маккиндером, активно использовалась во Вторую мировую войну, но сейчас получила наибольшее распространение.

минимум для собственного потребления для того, чтобы укреплять свой суверенитет.

В связи с этим заметим еще одну очень важную особенность – ни одна, ни другая, ни даже смешанная модель этих двух факторов развития не может быть построена или хотя бы насколько-нибудь продвинута при рыночной экономике и свободной конкуренции. К настоящему времени уже сложилась мировая специализация стран производства основных товаров, и место Сибири и России в ней вполне известно. Однако нельзя сказать, что промышленности в Сибири нет совсем – в ряде крупнейших городов, таких как Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Комсомольск-на-Амуре и др., сложились центры военно-технической промышленности, которая успешно функционирует при нынешней экономической формации, невзирая на ультраконтинентальность мест производства. Здесь есть два момента такого парадокса.

Первым моментом видится то, что военно-промышленный комплекс не был приватизирован в 90-е гг. и не является элементом той рыночной структуры, которая строится поныне в большинстве остальных областей. Хотя система заказов и имеет элементы конкуренции (имеются в виду, прежде всего, иностранные заказы, так как внутренние заказы распределяются не по системе конкуренции, а по принципу равномерного распределения занятости и специализации заводов), где правительство той или иной страны вольно выбирать исполнителя производства военной техники. Заказ приходит не напрямую на стол директора завода, а через госкорпорацию «Рособоронэкспорт», держащую правительственную монополию на сделки продаж продуктов ВПК. Однако налицо то, что нарушение свободной конкуренции позволило сохранить мировую специализацию России (хотя и с существенными оговорками) в производстве военной техники, хотя надо признать и оставшуюся роль идеологического противостояния со времен «холодной войны»¹² [3].

Вторым моментом является то, что в военном производстве играет роль не столько сам продукт, сколько его технология. Неважно, какой путь преодолет технология сквозь экономическое

---

¹² Так, например, правительство Индии неоднократно объявляет свою позицию равного удаления от крупных держав, закупая вооружение равномерно как у США, так и у России. Налицо идеологический фактор влияния на конкуренцию, сформированный «Кодексом неприсоединения» еще при объявлении независимости Индии в 1948–1949 гг. Джавахарлалом Неру.

пространство, ценность его существенно не сможет повлиять на цену. Наиболее ярко эта особенность иллюстрируется продуктами непроемственной сферы экономики, но имеющими свой физический образ, который производится в той же стране, где и их непосредственный ценностный компонент. Цены регулируются уже не столько географическими особенностями стран, сколько основными рыночными законами «спрос – цена – предложение» по месту потребления.

Часто высказывается предположение о том, что непроемственная экономика – это экономика прогресса, и новая теория экономической системы должна строиться именно на ней. Но это не соответствует правде, так как одновременно во всех странах непроемственная сфера не может доминировать, так как чтобы что-либо продавать, нужно что-то производить. А раз она не может быть во всех странах – она не универсальна. В этой неуниверсальности усматривается идея мальтузианства – получается, что непроемственная экономика существует лишь для избранных стран, в то время как товары широкого потребления должны производиться в странах, которые «не доросли» до непроемственной экономики, а по рыночным законам – это то, где производство более всего выгодно с точки зрения себестоимости: где наименьшие фрахтовые ставки, наименьшая стоимость рабочей силы, наименьшие затраты на обустройство и инфраструктуру. А, как становится очевидно, Сибирь является чуть ли ни одной из наименее благоприятных территорий для хозяйствования с этой точки зрения, и гораздо более выгодным является Китай. Поэтому и неудивительно, что, несмотря на активную государственную политику привлечения инвестиций, как Сибирь, так и вся Россия остается одной из наименее благоприятных стран для ведения массового производства – это продиктовано ей географически.

Конечно, времена жесткой критики Лениным мальтузианства и неомальтузианства прошли, но тем не менее ныне главным критерием идеальной экономической концепции должна являться ее универсальность для какой бы то ни было территории. А раз так, то принцип ориентации на нивелирование отрицательных географических факторов должен являться доминантой в построении современных геоэкономических теорий как для территории Сибири и Дальнего Востока, для всей России, так и для всего мира в целом, благодаря чему возможно добиться выравнивания мирового экономического уровня и устранения диспро-

порций, приводящих к периодическим кризисам перепроизводства. Наиболее эффективным методом такой нивелировки является ориентация на производство технологий, а не товара.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков ; отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Ин-т географии СО РАН. – Новосибирск : Гео, 2008
2. Дугин А. Энергетическая геополитика // Геополитика. – 2011. – № 3.
3. Тузмухаммедов Р. Движение неприсоединения и международное право / Р. Тузмухаммедов. – М. : Наука, 1989.

ХОМЕНКО Д. Ю.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. оставалась аграрной страной, несмотря на проходившие процессы капиталистической модернизации. Территория Сибири и Енисейской губернии, в частности, не были исключением. Потому вопросы землеустройства имели для местного населения первостепенное значение. Аграрная политика изучалась и современниками, и советской исторической наукой, и представляет интерес для современных исследователей.

Из современников особенно следует выделить исследования старшего начальника землеустроительных работ в Енисейской губернии В. Ю. Григорьева и заведующего минусинской поземельно-устроительной партией Н. Н. Козьмина. Оба автора положительно оценивали государственную землеустроительную политику, а Н. Н. Козьмин даже отмечал, что аграрная политика царского правительства в Сибири «не находится в противоречии с социалистической аграрной программой» [5, с. 10].

В советской исторической науке преобладало мнение о том, что аграрная политика царизма строилась в интересах богатых, эксплуататорских слоев населения.

Важной чертой аграрной политики в Сибири было отсутствие частной собственности на землю. Вся земля считалась собственностью казны. Малочисленные помещичьи имения практически не имели значения. Во второй половине XIX в. правительство предпринимало попытки создать дворянское землевладение в Сибири, однако меры были крайне не решительные и половин-